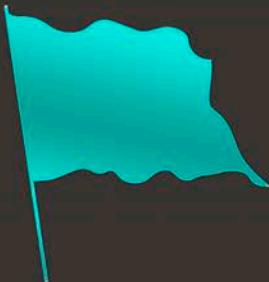
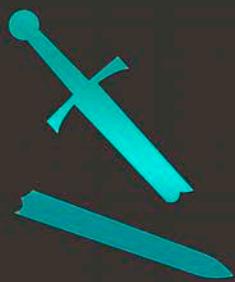

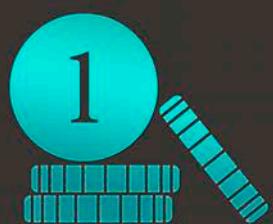
УРОКИ ИСТОРИИ

УИЛЛ
ДЮРАНТ
АРИЭЛЬ
ДЮРАНТ

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ОБЩЕСТВО
МОРАЛЬ
РЕЛИГИЯ
ВОЙНЫ

КОНФЛИКТЫ
КЛИМАТ
ПРОГРЕСС
ЭВОЛЮЦИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
5000 ЛЕТ

От лауреатов Пулитцеровской премии

ОБЛАДАТЕЛИ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Уилл Дюрант
Ариэль Дюрант

УРОКИ ИСТОРИИ

Закономерности развития
цивилизации за 5000 лет

Перевод с английского
Арсения Черного

Москва
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
2020

Оглавление

Вступление	9
Глава 1. О сомнениях.....	11
Глава 2. О Земле и истории	19
Глава 3. О биологии и истории	27
Глава 4. О расах и истории	41
Глава 5. О личностях и истории	57
Глава 6. О нравственности и истории	67
Глава 7. О религии и истории	79
Глава 8. Об экономике и истории	99
Глава 9. О социализме и истории	113
Глава 10. О государстве и истории	133
Глава 11. Об истории и войне	159
Глава 12. О расцвете и упадке	173
Глава 13. Возможен ли прогресс?	189
Библиография	205
Об авторах	209

Вступление

Чтобы сыграть заключительный аккорд, сначала необходимо проиграть вступление. Окончив на 1789 году нашу «Историю цивилизации» и окинув взглядом все десять томов¹, мы все больше укреплялись во мнении о необходимости нового издания с исправлением ошибок и неточностей — как фактических, так и типографских. За время работы над переизданием у нас накопилось изрядное количество заметок, набросков и комментариев, по тем или иным причинам в основной текст не вошедших, — в них мы пытались прояснить настоящие и возможные грядущие события и рассмотреть природу человека и государства. (Ссылки в тексте на тот или иной том «Истории» носят не обязательный, но поясняющий характер.)

¹ Одиннадцатый том The Age of Napoleon увидел свет в 1975 г., уже после публикации «Уроков истории». *Прим. ред.*

Покуда работа над текстом не была окончена, мы всеми силами старались воздержаться от вынесения собственных суждений, однако, несомненно, наш взгляд на события и действующие лица в любом случае определялся выбором примеров. В результате всего перечисленного появилось настоящее собрание наших эссе. В них мы подчас повторяем и самих себя, и тех, кто высказывал те же идеи до нас; тем не менее смеем заметить, что нашей целью была вовсе не оригинальность, а всесторонний охват не наших личных прозрений, но исторической совокупности человеческого опыта.

Спешим в очередной раз искренне поблагодарить за поддержку и помочь нашу любимую дочь Этель.

Уилл и Ариэль Дюрант

Глава 1

О сомнениях

Подходя к конечной точке своих исследований, историк встречается с рядом непростых вопросов. Был ли в твоей работе прок? Было ли в ней что-либо еще помимо увлекательного изложения взлетов и падений тех или иных народов и пересказа «преданий о смерти королей»²? Удалось ли узнать что-то новое о человеческой природе или случайный прохожий на улице, не читавший твою книгу, знает о проявлениях оной ровно столько же? Пролил ли ты хоть немного света на события настоящего? Вынес ли ценные наставления, благодаря которым мы укрепимся в наших решениях и поступках? Указал ли, как лучше подготовиться к грядущим превратностям и невзгодам? Нашел ли ты в событиях прошлого то, что поможет предсказать судьбу людей или государств? Быть может,

² Шекспир У. Ричард II. Акт 3, сцена 2. *Прим. пер.*

в конце пути все же выяснится, что «у истории нет никакого смысла»³ и она ничему нас не учит? А что если все наше богатое прошлое было лишь утомительной чередой ошибок, которые нам предначертано повторить с еще большим размахом?

Подчас так и кажется: нас захлестывают волны сомнений, и мы рискуем бесславно пойти ко дну. И все же давайте разбираться: знаем ли мы *на самом деле*, каким было прошлое, о котором мы говорим, или же история — эдакая «басня», о сюжете которой мы так и не можем «договориться»⁴? Без сомнения, наше знание прошлого всегда неполно и, вероятно, неточно; оно омрачено то двусмысленностью свидетельств, то предвзятостью самих свидетелей, а поройискажено в угоду нашим религиозным или патриотическим устремлениям. «Большая часть истории — гадание; остальное — предрассудки»⁵. Даже если историк вознамерился быть абсолютно беспристрастным по отношению к своей стране, расе, конфессии или классу, он все равно выдаст

³ *Sédillot R.* L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965.

⁴ Слова Фонтенеля об истории, цитировавшиеся также Гельвецием, Вольтером и Наполеоном — последним, правда, без указания на источник, — принесшие им всемирную славу. *Прим. neph.*

⁵ *Durant W.* Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935.

себя – в первую очередь выбором материала для исследования, да и манерой говорить о предмете. «Историк всегда стремится к упрощению: он любит иметь дело с небольшим количеством легко обрабатываемых фактов и в спешке отворачивается от огромного количества живых людей и событий, всю сложность взаимосвязей и действий которых он никогда не сможет ни описать, ни постичь»⁶. Опять же, с ускорением развития, со всеми произошедшими переменами наши выводы – от изучения прошлого до прогнозов на будущее – становятся все более и более категоричными и потому рискованными. В 1909 г. Шарль Пеги⁷ утверждал, что «за последние тридцать лет мир изменился больше, чем со времен Христа»⁸. Пожалуй, какой-нибудь молодой физик в наши дни прибавил бы к этому, что с 1909 г. в его области знаний стало

⁶ Durant W. The Age of Faith (The Story of Civilization, Vol. 4). N.Y., 1950. P. 979.

⁷ Шарль Пеги (1873–1914) – крупнейший французский христианский публицист, поэт и мистик, чьи произведения пропитаны духом католицизма и французского национализма. Хотя русскоязычному читателю это имя мало знакомо, его высоко ценил русский религиозный философ Семен Франк, ставя в один ряд с Блезом Паскалем, Сёреном Кьеркегором и Фридрихом Ницше. С 1916 по 1955 г. во Франции были изданы 20 томов собрания сочинений Шарля Пеги. *Прим. ред.*

⁸ Sédillot R. L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965. P. 167.

известно больше, чем за все предшествующие столетия. Каждый год, а порой – например, во время войны – каждый месяц совершаются открытия, появляются изобретения, вводятся в оборот новые методы, что требует свежего взгляда и новых моделей поведения. Более того, мы все яснее видим, что как в проводимости металлов, так и в образе жизни людей принимает участие элемент случайности, а быть может, и свободы. Ныне мы уже не столь уверены, что атомы и еще более мелкие частицы всего сущего в будущем начнут вести себя так же, как в прошлом. Электроны, подобно Господу в известном гимне Купера, «изыскивают тайные пути, творя свои дела»⁹. Что уж говорить о людях, черты характера которых или же случайные обстоятельства могут в одночасье нарушить равновесие политических сил, как произошло, например, в 323 г. до н.э., когда Александр Македонский взял да и напился до смерти и вся его огромная империя рухнула; или когда во время Семилетней войны Фридрих Великий вместе со всей Пруссией стоял на краю пропасти и лишь внезапная смена власти на русском престоле уберегла и короля, и державу от катастрофы.

⁹ Не переведенный на русский язык гимн Уильяма Купера «И свет во тьме светит» (Light Shining out of Darkness), 1773. Прим. пер.

Совершенно очевидно, что описание исторических событий¹⁰ не может быть научной дисциплиной. Оно является лишь ремеслом, родом искусства и философии: ремеслом — добывания фактов, искусством — привносить порядок в их разрозненный и бессмысленный ворох, философией — ищущей в них прозрения о будущем. Людям свойственно верить и надеяться, что «настоящее — это развернувшееся в действии прошлое, а прошлое — это развернутое для понимания настоящее»¹¹. В философии мы предпринимаем попытку выхватить и понять часть в свете целого; в «философии истории» пытаемся разглядеть в свете прошлого момент настоящего. Нет сомнения, что в обоих случаях перед нами стоит задача, превосходящая человеческие возможности, поскольку бесконечная

¹⁰ В оригинале использован термин «историография». В настоящее время под этим термином понимают 1) вспомогательную историческую дисциплину, изучающую историю исторической науки и эволюцию исторической мысли, а также 2) изучение исторической литературы по определенному вопросу или периоду. Здесь, скорее всего, речь идет о прямом толковании термина, в духе Нового времени, когда «историограф» был буквально «пишущим (или описывающим) историю (об исторических событиях)». В этом контексте историографию следует понимать как синоним исторического произведения или исторической литературы в целом.

Прим. пер.

¹¹ Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300–1564 (The Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957.

перспектива — оптическая иллюзия. Ведь мы не знаем результатов человеческой истории; мы даже едва знакомы с ее истоками — вероятно, существовало множество цивилизаций до шумерской и египетской! Поэтому мы вынуждены обходиться фрагментарным знанием и временно примириться с необходимостью оперировать вероятностями. В истории, как и в естественных науках или политике, все закономерности и формулировки могут быть опровергнуты¹². «История открыто смеется над любой попыткой заковать свободное ее течение в рамки теоретических концепций или умозрительных закономерностей; история свирепым ураганом расшвыривает все наши обобщения, рушит устанавливаемые нами правила; история, подобно барокко, всегда неупорядоченна и причудлива»¹³. Пожалуй, исходя из подобного определения, мы сможем достаточно почерпнуть из истории,

¹² Речь идет о фальсифицируемости — одном из критериев научности, сформулированном Карлом Поппером в 1935 г. в труде «Логика и рост научного знания». Согласно ему, научная теория не может быть неопровергимой, она должна иметь возможность быть опровергнутой. То есть все ее постулаты можно подвергнуть сомнению, под каждый привести опровержение (эмпирическое и/или теоретическое) и таким образом проверить их: либо подтвердить, либо опровергнуть. Принципиально неопровергимая теория не может считаться научной. *Прим. ред.*

¹³ Duran W. The Age of Reason Begins (The Story of Civilization, Vol. 7). N.Y., 1961. P. 267.

чтобы терпеливо переносить тяготы действительности и с уважением относиться к заблуждениям друг друга.

Человек — лишь миг астрономического времени, гость, ненадолго пришедший на просторы нашей планеты, но в то же время это представитель своего вида и рода, своей расы; это его тело, характер, умственные способности; он член семьи и общества, богоискатель или богооборец, верующий или неверующий; он часть экономической системы, возможно, что и гражданин или же военнослужащий — а значит, он действующее лицо (а также предмет исследования) соответственно астрономии, геологии, географии, биологии, этнологии, психологии, этики, религии, экономики, политики и военного дела. Что же может добавить от себя история о природе, нынешнем положении и дальнейших перспективах человека? Сжать тысячи и тысячи столетий человеческой истории до сотни страниц выводов, сотканных из гипотез и допущений, — занятие весьма сомнительное, достойное сущего дурака¹⁴. А потому — продолжим.

¹⁴ Сквозная отсылка к монологу Макбета из одноименной пьесы Шекспира (акт V, сцена 5). «Жизнь <...> — повесть, рассказанная дураком» (перевод М. Лозинского), «сказка» (перевод Б. Пастернака), перекликающаяся по смыслу с процитированными выше словами Фонтенеля. *Прим. пер.*

